

Охотничьи Просторы

Литературно-художественный альманах

1/2016

Охотничьи просторы

литературно-художественный альманах

Книга первая (83) 2016 г.

Издаётся с 1950 г.

Главный редактор
БУЛГАКОВ Михаил Васильевич

Заместитель главного редактора
КОРОЛЁВ Виктор Васильевич

Редактор-составитель
НОСКОВА Надежда Константиновна

Редактор
КОРОЛЁВА Елена Николаевна

Редакционный совет
ЕГОРОВ Олег Алексеевич
КАЛЕДИН Анатолий Петрович
ПОДДУБНЫЙ Михаил Владимирович
ЧЕРНЫШЁВ Вадим Борисович

Художник
БАСТРЫКИН Виктор Васильевич

Вёрстка
ПЕТРОВА Оксана Владимировна

© ПТП ЭРА
2016 г.

Костры и зори	
Г. В. Соловьёв	На промысле 4
Д. С. Крюков	Таёжный профессор 14
С. Ф. Безруков	Охотники (стих.) 29
Е. В. Дворянчиков	Весенние сомнения 30
А. П. Марин	Весна возвращается вновь. Кукушкины слёзы 37
В. А. Трушков	Гусиные хроники. Таёжный император 40
Э. Г. Циттель	Охоты во сне и наяву 54
В. В. Лютый	Дом для Сергеева 64
В. Я. Приходько	Рассказы-воспоминания 78
А. В. Лисаков	Глухарь-государь 86
Р. А. Салимов	Тёплым днём в декабре 106
Е. К. Осипов	Золотой зубр 120
А. В. Стефанович	Волки и бараны 126
Творчество наших читателей	
В. Соколов	Мистика 134
А. В. Мичков	Мой глухарь 135
Мир охотничьих приключений	
В. А. Семёнов	Последний выстрел 138
В. Ф. Граур	Неожиданная встреча 145
Памяти Алёхина И. И. (некролог) 148	
Классика русской охоты	
А. А. Ширинский-Шихматов	Лесные дали 150
Охотничьи университеты	
И. Н. Есин	Выбор своего ружья 170
	Порода, которую мы выбираем 178
Жизнь и судьба	
А. Н. Зырянов	Мои охотничьи тропы 186
Практика охоты	
И. И. Диль	Осторожный глухарь 218
А. И. Устюгов	Охота на лосей 224
А. А. Рябов	А мы едем, а мы едем за туманом... 234
В. Н. Наконечный	Изготовление «камусных» лыж 240
В. Ф. Граур	Снайперский выстрел 242
Душа охоты	
А. В. Шестак	Благодать 246
А. С. Сальников	Последняя собака 260
Книжная лавка	
Книги для охотников 264	
А. Р. Скоробогатов	Охотник-библиофил 292
А. П. Клепцов	Джек Лондон 300

КРЮКОВ
Денис Сергеевич

Таёжный профессор

Раздувая щёки как заправский трубадур, Колька пытался оживить остывшие угли костра. Дед Матвей, с трудом стащив с плеч тяжёлый горбовик, наполненный спелой брусникой, не спеша раскуривал подмокшую папиросу, поглядывая на покрасневшегося внука.

– Да не тужься ты так! – с усмешкой проговорил он. – Вон Антоха хворост тащит, сейчас с берестой быстро разожжём!

Из-за поросшего молодыми соснами мыска появился Антон. Истекая потом, он тащил на себе огромную вязанку дров. Я, до этого любовавшийся добытым пару часов назад глухарём, бросился ему на помощь.

– Не надо, сам донесу! – отстранил меня он.

– Вот упёртый! – проворчал я ему в след. – Мне-то что делать? Живу у вас тут как на курорте, бездельничаю!

– Не бездельничаешь, а отдыхаешь и с пользой проводишь отпуск! – назидательно ответил Антон. – А если силы некуда девать, то помоги, вон, лучше, горе-таежнику огонь разжечь!

Но и Николай отказался от моей помощи, сославшись на то, что как-то поспорил с дедом, что впредь будет разжигать костёр самостоятельно и только с помощью одной-единственной спички. Похоже, сейчас он проигрывал этот спор.

На старинную охотничью заимку, расположенную в пади под названием «Медвежий ключ», мы приехали вчера вечером. Мой друг Антон ещё с университетских времён зазывал меня в здешние края: «Отдохнешь от города. Лесным воздухом подышишь. А охота у нас – словом не передать! С дедом своим познакомлю, не человек – история!».

Он много рассказывал о своем дедушке: и о его подвигах на войне, и про любовь к природе, и про его весёлый нрав и добродушие. В этих рассказах меня особенно заинтриговала очень интересная деталь: дед Матвей, будучи страстным охотником, вот уже много лет не берёт в тайгу ружье, хотя постоянно сопровождает своих внуков в таёжных странствиях, обучает охотничьему искусству и искренне радуется их успехам. О настоящей причине этой странности Антон мне не поведал, я же не стал настаивать, решив, что при первой возможности всё разузнаю сам. Во всяком случае, мне было известно, что причина эта довольно загадочная и до сих пор практически непонятая близкими старика.

Пару дней назад Антон вновь позвонил мне с приглашением поехать на дедовскую заимку. Я сумел-таки высвободить время, собрал рюкзак, снарядил патроны и уехал из города.

Сентябрь был в самом разгаре. Разгулялось бабье лето, днём ещё дарующее нежное тепло, но по ночам напоминающее о скорой и долгой зиме лёгкими заморозками. Отправились на охоту вчетвером: дед Матвей, Антон, его младший брат Николай и я. Переночевали в зимовье, а утром старик, накормив нас таёжным завтраком, отправил на охоту. «Удачи! – напутствовал он нас. – А я на Золотой ряж подамся, бруснички на зиму наберу. Буду дожидаться вас у верхней переправы, оттуда вместе на заимку возвратимся».

Я хотел было тут же расспросить, почему же он не идёт с нами и почему по тайге без ружья ходит, даже когда охота открыта, но видя подгоняемых азартом Антона и Кольку, поспешил вслед за ними – бродить по окрестностям в поисках глухарей.

Ближе к полудню, добыв по хорошему косачу, мы с Антоном хотели двинуться обратно. Но Колька – озорной четырнадцатилетний мальчуган, задыхаясь от волнения, сообщил: «Вон там, в Широком распадке, в зарослях засели целые полчища глухарей, их надо основательно расшевелить и выгнать из укрытия!» Он предлагал выстроиться в цепь на расстоянии пяти-шести сотен шагов друг от друга и медленно пройти вдоль этого, широкого, поросшего густым смешанным лесом распадка. Мы сначала отказались, но подумав, решили, что маленький охотник рассуждает верно, и стоит попробовать. Ведь птицы, стронутые тихими шагам одного охотника, будут не спеша отлетать в сторону от линии его движения и попадать в сектор другого стрелка – типичная охота нагоном.

Мне достался центральный номер в цепи. Я неторопливо двигался в заданном направлении, прислушиваясь и высматривая на деревьях притаившихся косачей. Вдруг в кроне большой лиственницы заметил нечто, очень похожее на гнездо крупной птицы, и решил осмотреть его. К моему удивлению, «гнездом» оказался охотничий скрадок или лабаз. Я взобрался наверх по вбитым в дерево скобам и убедился, что деревянный каркас сконструирован много лет назад, и сидьба уже не пригодна для использования. Осмотревшись, на расстоянии примерно шестидесяти шагов, у комля громадной, давно иссохшей лиственницы, увидел солонец. Деревья и кустарник между лабазом и солончаковой ямой местами были вырублены, видимо, для лучшего обзора. Меня это весьма заинтриговало: для чего же так далеко от солонца располагать лабаз и вырубать к нему просеку, когда можно было сделать его намного ближе и выбрать место с лучшим обзором?». Спустившись, я подошёл к солонцу, который, судя по множеству следов, был очень популярен среди местных копытных жителей. Когда же я огляделся кругом, удивился ещё больше. С разных сторон к яме тянулись такие же просеки, а в глубине леса, на разном расстоянии от солонца на деревьях было оборудовано множество скрадков, расположенных в некоторых местах даже в два-три этажа. Были они и разной конструкции: от простых досок, перекинутых между сучьями, до полноценных лабазов-домиков, обшитых фанерой и рубероидом.

Меня охватил исследовательский азарт, захотелось разгадать эту загадку. Зачем столько скрадков? Обычно устраивают один-два, ну, три, тем более что к солонцу ведёт одна-единственная звериная тропа. Обойдя всё вокруг, я обнаружил обвалившуюся землянку с небольшой бойницей, смотрящей на солонец, а чуть поодаль – ещё одну, только теперь бойница была в сторону тропы. Видимо, землянки тоже служили местом ожидания зверя. Я, совсем позабыв об охоте, прошёл по тропе и в нескольких сотнях шагов от солонца обнаружил ещё две землянки и лабаз, построенный на высоте трёхэтажного дома. Это окончательно сбilo меня с толку.

Так и не разрешив этой загадки, я присоединился к моим товарищам, которые вместе с дедом Матвеем с нетерпением дожидались меня у переправы. Оттуда мы отправились на зимовье.

Когда костёр разгорелся и был готов наваристый суп, мы расселись за походным столиком под навесом из брезента и стали обсуждать подробности состоявшейся охоты. Потом за чаем, настоящим на смородиновом листе и побегах багульника, Антон и Колька взахлёб травили охотничьи байки, а дед молчал, лукаво посмеиваясь в усы, думал о чём-то своём. Я, улучив момент, спросил его:

– Матвей Александрович, а почему вы в тайгу ружье не берёте? Антон рассказывал, что вы вообще давно уже не охотитесь.

– А что он про меня ещё наговорил, а? Небось, всякой чепухи намолол? Старый я уже для охоты, отохотился своё. Так, для души в тайгу наведываюсь за компанию вот с этими охламонами, – весело подмигнул внучатам дед Матвей. – Жалко мне живность. Да и не та теперь охота, не та, – добавил он с тоской, взглянув с благоговением на багровое зарево нарождающегося заката.

– Свою давнюю историю вспоминает! – оживился Колька, легонько толкнув меня в бок. – Он много лет с шибко умным гураном¹ воевал!

– Не воевал, а состязался, и не много лет, а всего три года! – строго поправил его старик, в очередной раз наполняя свою кружку душистым чаем.

– Расскажите, Матвей Александрович! – сгорая от любопытства, взмолился я.

– Да чего там рассказывать, было да прошло! – отмахнулся тот.

– С тех самых пор дед, – вмешался в разговор Антон, – все охоты с той сравнивает, считает её самой настоящей, нечто вроде эталона, так сказать. Дед, расскажи! Интересно же!

– Да чего зря балакать? – отнекивался старик. – Вот ты всё и поведай, ведь раз сто эту историю слышал!

Понимая, что деда так просто не уговорить, я спросил:

– А эта история как-то связана с тем местом, на которое я сегодня в Широком распадке набрёл? Там, действительно, будто бой был: все перекопано, просеки вдоль и поперёк, штук пятнадцать лабазов и сидок! Я так и не понял, что там происходило.

Матвей Александрович внимательно посмотрел на меня, подумал и ответил:

– Ладно, так и быть. Только обещаю тебе, что обязательно напишешь об этом! Чтобы память осталась, да не обо мне, а о таёжной тайне, суть которой я так и смог постичь!

– Конечно же, напишу! Обещаю! Даром, что ли я столько лет жаждал услышать эту историю!

Собираясь с мыслями, старик не спеша добавил всем чаю, размял папиросу, закурил и начал свой рассказ...

Всё началось десять лет назад. Тогда в Широком всего один-единственный лабаз был, его ещё дед мой построил и сам солонец заложил. Я до сих пор каждую весну в него соли подбрасываю, ну, чтобы косули в этих местах держались, знаешь ведь, что им в весной и летом очень соль нужна. Но сам сейчас на солонцах не промышляю, вот с тех самых пор. А в былые времена частенько там сиживал в ожидании фарта.

Так вот. Как-то раз, в начале мая, прихожу я на этот солонец с десятком пачек соли. А следов вокруг него – тьма-тьмущая! И изюбри, и косули приходят! Ну, думаю, пантача грех не скараулить, вернусь через месяц-полтора и буду ждать!

Когда же опять пришел к солонцу, то к досаде своей изюбринных следов не увидел – одни аккуратные косульки следы-луночки. Приглядевшись, понял, что сюда постоянно приходит очень крупный гуран. Вот и решил: пусть и без пантов нынче останусь, но гуран обязательно будет моим!

¹ Так в Забайкалье называют взрослого самца косули. Само слово «гуран», предположительно заимствовано из бурятского языка.

Около девяти вечера уже сидел на лабазе. Он между тремя лиственницами, метрах в четырёх над землей был построен, а солончак ровно в тридцати пяти шагах от него. Ну, лабазом эту конструкцию тогда было сложно назвать, так, несколько досок для сидения, да маскировочная сетка. Это потом всё изменилось.

Часа полтора было тихо, слышался только отдалённый рокот – это поезда за перевалом по Транссибу колесят, да несколько зайцев прибежало, они ведь тоже солью не проч полакомиться. Часов около одиннадцати пришла совсем молодая косуля. Нет, таких трогать нельзя! Ведь где-то неподалёку, под кустом, парочка косулят припрятана. Оглядывается постоянно, шею тревожно вытягивает. Чувство материнское от детёнышей не отпускает, но и соли тоже хочется. Только на пару минут около ямы задержалась, быстро-быстро солончак полизала – и в чашу.

И вот на циферблате десять минут двенадцатого. Есть у нас летом такой миг между днём и ночью – последние минуты сумерек, когда все дневные и вечерние звуки затихают, а ночные ещё только ждут своего срока. Тишина в этот момент стоит необыкновенная! Именно в это время на солонец чаще всего и приходят взрослые гураны. Я весь в напряжении, замер, почти не дышу. Вдруг гортанный крик-лай! Раздался откуда-то слева, шагах в двухстах, из густого ельника. «Эх ты, растяпа! – обругал я себя, – проворонил гурана! Шиш он теперь выйдет! всю ночь будет горланить, да костерить тебя на чём свет стоит за то, что не дал ему соли поесть!»². Ладно, думаю, не фартит сегодня, но завтра вернусь с добычей обязательно!

На следующий день, хорошо выспавшись и плотно поужинав, я снова отправился на солонец. Вновь зайцы, косуля, потом заветная тишина между ночью и днём и ... опять лай! Где-то в том же самом месте. «Ничего-ничего, думаю, подожду ещё немного, может быть, успокоишься и выйдешь!». Но напрасно я ждал ещё полтора часа, зато досыта наслушался его басистого ворчания. Третий вечер тоже не принёс нового. Хитрец, сообразив, что его караулят, теперь подошёл не по тропке, а с противоположной стороны. Там он наткнулся на мои следы и, зайдя со спины, начал горланить. Мне же, чтобы окончательно не выдавать своего присутствия, пришлось сидеть до трёх часов ночи не шелохнувшись, кормить комаров и слушать песни этого злыдня, а потом во тьме добираться до зимовья, разминая затёкшее от долгой неподвижности тело.

В общем, в тот заезд я так и не добыл этого гурана. Работал тогда сутки через двое, нужно было заступать на дежурство, потому утром в спешке уехал домой.

Как я перенес эту невезуху? Да сколько раз такое бывало! Нешто я впервые с охоты пустым возвращался?! Вот и в этот раз приехал домой и про всё забыл. Но потом вдруг что-то во мне заныло, будто зовёт меня кто-то в тайгу, тревожит чем-то неизведанным. Отдежурив смену, наскоро собрал котомку – и в зимовье.

Как оказалось, три предыдущих вечера были только разминкой! В этот раз я не выезжал из тайги целых пять дней. Пропустил дежурство, дома переполох – думали, худое что со мной приключилось. Ох, и рассердил же меня этот гуран! Со злости я его тогда Змеем прозвал. Правда, потом другое имя дал, но об этом чуть позже. Так вот, два вечера происходило тоже, что и в первый заезд: ровно в одиннадцать десять начинался гураний лай – мощный, гортанный такой: «Бяаааа-уууу...», «Бяаааа-

² Лай – своеобразный звуковой сигнал, который издают как самцы, так и самки косули, действительно очень похожий на лай собаки. В большинстве случаев косуля «лает», когда чувствует опасность. Возможно, что с помощью лая самцы обозначают территорию своих владений и отпугивают соперников.

уууу...», «Бяаааа-уууу...». Три-четыре раза, потом минутная передышка и снова, так минут десять, потом перерыв на полчаса и опять. Ночью после второго дня охоты, вернувшись в зимовье и выпив с устатку и расстройства чекушку водки, я стал кумекать, в чём же тут дело. Столько лет охочусь на солонцах, но с подобным ещё не сталкивался. Быть может, он слышит меня ещё на подходе? Бывало же так, что зверь раньше охотника приходит к солонцу и где-нибудь неподалёку ожидает сумерек. Или, может быть, всё-таки сам себя выдаю каким-нибудь движением или звуком? Или выдаёт запах? Нет, этого точно не может быть!

Тяга³ в распадке по вечерам всегда с той стороны, откуда звери приходят. Этому меня ещё мой дед научил, и при отце так было, и я за столько лет охоты убедился, что тяга всегда направляется от звериной тропы в сторону лабаза, который к тому же довольно высоко расположен, так, что запах охотника по вершинам деревьев уходит. Нет, не мог он меня учуять!

На следующий день я пришёл к солонцу около шести вечера. Шёл тихо, крадучись, каждый шаг вымерял. Просидел до полуночи, но гуран не появился. Так было и на четвёртый вечер. На пятый, в скверном настроении, досадуя о потраченных силах, времени, о пропущенном дежурстве, о брошенных домашних делах, я решил так: если сегодня не добуду гурана, то забуду про него раз и навсегда! Вот так и шёл к солонцу и про себя рифмовал: «Не добуду – забуду! Не добуду – забуду!». Гуран снова не пришёл. Я с лабаза слез, а в лесу тьма-тьмущая, хоть на ощупь иди! Тут ещё фонарик как назло сломался. Стою, направление определяю, как вдруг совсем рядом, шагах в двадцати, раскатисто-громовое «бяаааа-уууу...», «бяаааа-уууу...», «бяаааа-уууу...» и удаляющиеся треск и топот! Я сам-то не робкого десятка, но когда один в тайге, в темноте, да ещё при полнейшей тишине, то поневоле перепугаешься! Я аж ружьё выронил, вскрикнул, как дитё малое, тоненько так, и холодным потом весь изошёл! Это уже когда злость страх сменила, я гурана матом обложил как умел, да в сердцах с обоих стволов картечью по кустам жажнул! Так и шёл до зимовья, чертыхаясь и матерясь. Потом дух перевёл, чаем отпился и задумался маленько. Однако, что же это получается, гуран издеваться надо мной вздумал!? Подкрался незаметно почти под самый лабаз, выждал, когда я слезу, и заголосил, так, что я чуть в штаны не наложил! Нет, не простой это гуран! Умный, зараза, хитрый, да еще с развитым чувством юмора!

Наутро, наскоро собравшись, я уехал домой. Видимо с этого момента и начались мои злключения. Не знаю, как там по-научному называется моё тогдашнее состояние, но стал я вроде как охотозависмым. Ни на секунду этот гуран не выходил у меня из головы. И на работе, и дома мысли только о нем. По хозяйству хлопочу, а из рук всё валится. Бывало, настолько был занят мыслями о том, как перехитрить гурана, что курам сено несую, а коровам крупу, – в общем, глупеть стал. С Софьей, женой моей, начали браниться, на сыновей ноль внимания, на работе стали косо смотреть, с друзьями товарищами перестал общаться. Короче говоря, телом дома был, а душой на солонце гурана караулил!

В начале августа первого года состязаний решил я ещё на одну вылазку в тайгу. На работу не вышел, в очередной раз в пух и прах разругался с домашними, но вырвался, с крепким желанием перехитрить гурана. В первый и второй вечера было

³ Здесь – направление ветра.

тоже, что и в предыдущие: тишина, потом отдаленный лай. Перед уходом в зимовье я всякий раз немного проходил по тропе и по следам вычислил, что дело обстоит примерно так: гуран тихо подходит к солонцу по тропе, но каждый раз останавливается в полусотне шагов до него, в одном и том же месте, на повороте, который не видно с лабаза. Долго стоит, прислушивается, в этот момент я каким-то образом себя выдаю, может, движением или звуком каким, он по-тихому отходит на сотню-другую метров и начинает лаять. Тогда, думалось мне, если гуран примечает меня загодя, на самом подходе, то нужно перехватить его на том самом месте, где он выжидает, – на повороте. Для этого я смастерил деревянное сидение с четырьмя верёвками-помочами, получилось нечто вроде подвесной люльки. Придя пораньше к солонцу, я подвесил её среди деревьев так, чтобы мне было виден этот поворот, а солонец остался за спиной. Пошёл и на другие хитрости. Отъехал на мотоцикле от зимовья на пару километров, делая вид, что я убрался восвояси, а на солонец на своих двоих тихонько добрался. Это на тот случай, если гуран уже уловил связь между тарактением техники и моими приходами и уходами. Чтобы уменьшить остроту запаха перед самым солонцом надел чистую, стиранную без мыла и порошка одежду, не использовал средство от комаров, обложился охапками чушатника⁴, пришел рано, около шести вечера, сидел тихо, как мышь. Сработало! Да вот только, что называется, перестарался, слишком уж сильно хотел победить. В общем, перенервничал я малость, вот и задремал слегка. Просыпаюсь, а еще светло совсем, солнце только-только за сопку нырнуло. В лесу тишина, покой, благодать, но, чую, что-то не так! Оглядываюсь, а у солонца гуран стоит! Довольный такой, сразу понятно, что соли до отвала наелся. Глядит на меня разудало, спасибо, дескать, тебе, прилипчивый мой, что, наконец-то, до любимого лакомства позволил добраться! Я сначала опешил, и про ружьё забыл, смотрю на него как на чудо из чудес. Тогда-то и заметил на правом плече пятно светлой, почти белой шерсти, видимо, затянувшаяся рана – последствия соперничества за самок во время гона. Потом руки по-тихому к ружью потянул, оно ведь на сучьях прилажено и совсем в другую сторону стволами, но не успел, пока корячился, выводя двустволкой кренделя среди веток, мой соперник в два прыжка растворился в зарослях. Вылез я из своей люльки и по тропе прошелся.

Совсем свежие следы рассказали, что этот хитрец очень тихо прокрался подо мной в те несколько коротких минут моей дремоты и преспокойненько откушал соли. Причём прошёл точно под люлькой, как раз по моим следам. А, значит, чуял меня, да и видел снизу-то, что я здесь, среди деревьев дрыхнуть изволю, но не испугался, не сбежал!

Наверное, именно с этого момента моя злость на этого гурана исчезла, зауважал я его по-своему, любопытство к нему какое-то проявилось. Ведь очень уж необычное у него поведение! Не слышал я такого о косулях, совсем на них это не похоже – пугливые они, как дети малые! А этот будто бы изучает меня: как я себя поведу, что буду делать, надолго ли меня хватит? Словом, я для него – подопытный кролик! Тогда-то я этому гурану и присвоил имя – Таёжный Профессор, так стал его звать за его ум, сообразительность, любознательность, за хитрость, склонность к эксперименту и за смелость тоже.

⁴ Чушатник – багульник болотный (лат. *Ledum palustre*), вечнозеленый кустарник с резким душистым запахом.

В то лето судьба мне так и не улыбнулась. Все последующие месяцы как на иголках провел. Каждую минуту о Профессоре думал. Планировал, размышлял, разрабатывал стратегию и тактику дальнейшей охоты. В областной центр ездил, там, в библиотеке все книги и журналы про охоту на солонцах с лабаза проштудировал. Друзья то смеялись надо мной, то жалели, то помощь предлагали. Я даже было согласился. Трижды осенью и дважды зимой мы в этом распадке и в несколько соседних логах загоны устраивали. Но Профессора я не встречал. Не знаю, может быть, в соседнюю падь уходил на зимовку или же в кедрачи, на юго-запад. Да и догадывался я, что дуэль наша к солонцу приписана, только там и будет продолжаться, потому про все зимне-осенние попытки взять гурана я позабыл.

На следующее лето я пришёл на солонец в середине июня. Первые два вечера прошли впустую, на третий наведалься совсем молодой гуран. Я уж было подумал, что это и есть мой злодей. Прицелился, но в этот самый момент, будто останавливая мой выстрел, раздался знакомый лай! Молодого козлика словно ветром сдуло – знает, кто здесь хозяин! – шмыгнул в кусты, только топот и треск раздались. И тут я понял, что как никогда близок к победе! Ведь Профессор наверняка посчитал, что на солонце в этот раз не я, а его собрат – гуран, вторгшийся на чужую территорию. Лаем он его предупреждает о своем приходе. И действительно, через несколько минут послышалось, что будто кто-то через колдобину перепрыгнул. «Ага! Подходит!» – обрадовался я, вспомнив, что недалеко от солонца тропа тянется в густом ернике, а там, лежит старая лиственница, вот косули её и перепрыгивают на подходе к соли. Ждать пришлось ещё долго. Осторожен – на то и Профессор! Но чувствую: вновь что-то пошло не так. Вдруг где-то за спиной щелчок сломанной ветки и негромкий топот! Медленно-медленно поворачиваю голову, выглядываю из-за лиственницы, что за моей спиной, а Профессор стоит шагах в сорока, смотрит на меня и демонстративно копытом землю колотит, дескать, тут я и прекрасно себя чувствую! Я осерчал: это же надо – второй год зверь меня вокруг пальца водит! Уже не скрываясь, с кряхтением и скрипом разворачиваюсь вполоборота для стрельбы назад, попутно с грохотом роняю наполненную чаем фляжку. А ему хоть бы хны! Стоит, копытом постукивает, на меня смотрит. Навожу ружьё, а он, гад такой, делает несколько шагов в сторону, да так, что опять у меня за спиной оказывается, и ствол дерева его вновь прикрывает. Я разворачиваюсь в обратную сторону, беру прицел с другого плеча, а он опять мне за спину заходит и снова стволом лиственницы прикрывается. Я, чертыхаясь, вновь разворачиваюсь и двустволку с обратной стороны завожу, а он тихонько опять мне за спину становится, да копытом землю поколачивает. Не знаю, как долго я вот так на узкой деревянной скамеечке на четырехметровой высоте, словно вошь на сковородке, вертелся из стороны в сторону, но вскоре Профессор, вдоволь накуражившись, победоносно рявкнув пару раз и в два прыжка исчез в чапыжнике.

Долго ещё сидел я, остужая горячий от волнения лоб ружейными стволами. И не мог понять, то ли скорблю по неудаче, то ли злюсь на самого себя, а то ли удивляюсь великой загадке, которую, наверное, мне так и не разгадать.

На следующий вечер на солонец я не пошёл. Не было ни сил, ни уверенности в себе, я ведь уже тогда в глубине души понял, что полновластный хозяин положения здесь – Профессор, а я так – в гостях тут, временно и без право голоса.

Взобрался я в тот вечер на самую высокую сопку в этом районе. Присел там на камень и в который раз стал спрашивать себя, почему всё идет не так, как надо? Раньше тоже были неудачи. Ну, два, три, ну четыре раза пустой домой вернёшься! Но сейчас-то счёт пошёл на второй десяток! Сколько сил, времени, нервов потрачено! Сколько раз с женой ругался, дела наперекосяк, хозяйство набекрень! Ведь только о Профессоре и думаю! Сам не свой стал, словно одержимый, тут ещё на работе увольнением пригрозили за необъяснимые прогулы, друзья стали меня чураться, все советуют бросить, забыть! А что толку с этих советов!? Не могу ничего с собой поделывать, сутками напролёт думаю о нём, прорабатываю варианты!

Вот примерно с такими нелёгкими мыслями сижу я, значит, на вершине этой самой сопки, просторы окрест рассматриваю, а глаза сами по себе к тому распадку поворачиваются: я их в сторону, а они обратно, я их в другую, а они обратно. Вдруг, что-то словно щёлкнуло во мне, я аж по лбу себе кулаком ударил. Вот ведь старый дурак! Почему сразу-то не догадался!? Ветер – вот кто помогает Профессору! Лог, что примыкает к солонцовому распадку и зовётся Заячьим, три года назад выгорел во время весеннего пожара. Пустырь, возникший на месте сгоревшего лога, видно, нарушил установившиеся испокон веков направления потоков воздуха в распадке. Я, как сумасшедший, бросился к солонцу проверять свои предположения. Если удастся понять, куда тянет ветер по вечерам, – я обставлю Профессора!

Взобравшись на лабаз, я укрепил на разной высоте обычные швейные нитки, чтобы при малейшем колебании воздуха они указывали направление ветра. К полуночи я уже знал, что, действительно, вечерняя тяга, раньше идущая по центру распадка, теперь клонилась к правому его краю, нанося запах охотника как раз на звериную тропу. Теперь у меня был план, с которым я хотел провести Профессора: нужно построить ещё один лабаз, чуть левее тропы и солонца, так, чтобы запах проходил их стороной.

На строительство ушёл всего один день, правда, пришлось и изрядно лес вокруг проредить, чтобы обзор улучшить. Пару недель ждал, когда косули привыкнут к изменению обстановки и к появлению нового предмета недалеко от солончака. Когда пришел срок, я был на месте. Всё подготовил правильно, все хитрости использовал: и на мотоцикле ложный отход проводил, и чушатником снова обкладывался, и средство от комаров не использовал.

Но судьба на пару с этим хитрющим чёртом с профессорским званием словно бы смеялись надо мной! Не пришёл в тот вечер гуран. Не пришёл в последующие два. А я уехал домой. Вернулся к солонцу через неделю. И опять пусто – от Профессора ни весточки! Я даже закручинился не на шутку. Думалось, что надоел я ему: действую примитивно, предсказуемо, неинтересно ему стало!

Вскоре между сменами опять вырвался в тайгу. Наслушавшись тишины в первый вечер, стал соображать, в чём же тут дело – следы-то профессорские на солончаке есть! Ходит, значит! Но когда? На следующий вечер я чётко запомнил расположение следов вокруг ямы, а часов в девять утра пришёл туда и убедился, что Профессор изменил свой график и теперь лакомится солью во время утренних сумерек – совсем свежие отпечатки копыт красноречиво мне об этом поведали!

Конечно же, мне пришлось подстраиваться под него. Стал приходить на солонец в середине ночи. Так было три или четыре раза, но всё без толку. Гуран ведь хорошо понимал, что за ним идёт охота, был осторожен, засекал меня ещё на подходе, облаивал и тихонько уходил. К тому же выяснилось, что ребус с изменением тяги я разгадал не до конца. Оказывается, после пожара ветер не просто поменял направление, он его вообще потерял и теперь гулял по распадку по известным только ему и лестному братству законам: за один час мог перебрать все стороны света, так, что уловить хоть какие-то закономерности его передвижений было сложно. В общем, и второе лето не принесло мне удачи. В последний раз приехал я на солонец в конце августа, но следов уже не было, у косуль гон был в самом разгаре – ясно, что Профессору уже не до соли.

Прошла ещё одна зима. Провёл я её в нелегких думах о состязаниях с Профессором. Этот гуран меня, что называется, до ручки довёл! Постарел я, седые волосы стали появляться. Жена, решив, что я окончательно умом тронулся, доктора из города вызывала. Тот и в правду какие-то лекарства выписал, велел не нервничать, жить спокойно и размеренно. Но разве дома усидишь, когда в тайгу тянет словно только здесь самая настоящая жизнь!

В начале мая стал основательно готовиться к охоте, переполненный намерением одолеть гурана во что бы то не стало. Задумка была следующая: поскольку ветер непостоянен, необходимо загодя построить сразу несколько сидок и лабазов в разных направлениях от солонца и на разной высоте, а после караулить гурана, то в одном, то в другом месте, надеясь, что рано или поздно тяга направится не в его пользу, и он выйдет на соль.

С этого момента и начинается, как я это называю, «эпоха великих строек». Эх! Если бы ты знал, чего стоило мне это строительство! Один раз упал с дерева, получил сотрясение мозга и ушиб позвоночника, две недели в больнице провалялся и снова в тайгу сбежал. В другой раз на высоте приколачивал доску, да молотком палец размозжил – до сих пор в непогоду ноет. А сколько бензину потратил, сколько досок, да рубероиду извёл! И всё это сюда на своем горбу таскал! А каких только зверей за эти три года у солонца не встречал! Кроме других косуль, сюда и кабаны приходили, и лоси, и изюбри. Мог бы всегда с добычей быть. Но нет же, гурана я своего ждал! И вот ведь какая штука – только Профессор меня чуял, только он умел меня отследить и вывести на чистую воду, другие звери выходили и глазом не моргнув! Феномен, что и говорить!

Но строительство новых лабазов и скрадков не помогло. Весь июнь и часть июля прошли впустую. После этих неудач вместо «охоты сверху» я перешел на «охоту снизу» – стал рыть землянки с маленькой бойницей и единственным наглухо закрывающимся лазом. Рассчитывал на то, что запах будет, что называется, к земле «липнуть» и не расходиться по округе. Но и это не сработало. Тогда я сделал несколько лабазов и две землянки примерно в километре от солонца. Думал перехватить гурана ещё на подходе. Не помогло, но при этом произошло действительно нечто из ряда вон выходящее! Однажды, Профессор тихо подошёл к землянке, стал прямо у закрытого лаза и начал топтать и сопеть как рысак на водопое

буквально над моим ухом, зная, что ничегошеньки я поделывать не могу. Я сначала затих, слушая его из-под земляной насыпи, только зубами от досады скрипел, а потом рванул наружу, но пока как червяк выползал из тесного лаза, он, конечно же, уже шмыгнул в кусты и стал оттуда меня лениво облаивать. Я попытался подкрасться к нему, но где там! Гуран, вдоволь поиздевавшись надо мной, преспокойно ушёл. Короче говоря, все мои усилия пошли прахом, к концу лета я даже мельком не увидел Профессора.

И вот как-то раз, в начале августа, когда я уже духом пал и совсем руки опустил, наведаясь ко мне в гости старый приятель, тоже охотник, – Алексей Климов. Узнав о моих злоключениях, он немало удивился.

– Не знаю, что и сказать, – заговорил он после долгих раздумий. – Действительно, феномен. Видимо, некоторым, особо выдающимся гуранам тоже свойственно соревновательное чувство, ведь всё указывает на то, что он и вправду состязаться с тобой вздумал, и это ему шибко интересно. Да и приглянулся ты ему, не знаю уж чем. Интересно то, что пока ты выжидал Профессора, другие звери преспокойно на солонец выходили. Однако ошибся ты с тягой, нет её вины в том, что гуляет, куда хочет, ведь иначе они тоже тебя чужали! Нет, не ветер тут виноват! Тут в самом Профессоре дело. Действительно уникальный гуран с разумным поведением! Ты же предсказуемо действовал, рассчитывая исключительно на стереотипность поведения косуль. А этот оказался очень далёк от всяких стереотипов, за что ты совершенно верно удостоил его профессорского звания. Похоже, что он действительно сразу связал тарактение мотоцикла с твоими приходами на солонец: слышав его, уже понимал, что ты будешь делать. И твои уловки с ложными отъездами он тоже быстро разгадал. Так что всё это время не ты его караулил, а он тебя у лабаза поджидал. Кроме того, не понимаю как, но этот гуран прекрасно разобрался во всей схеме охоты на солонце, видел твои слепые зоны, закрытые места, предугадывал направление твоих передвижений. Во всяком случае, он чётко уловил, что за твоей спиной, позади сидьбы он в безопасности.

– Что посоветуешь, Лёшка?! – взмолился я. – Как его обыграть? Может мотоцикл вёрст за пять от зимовья оставлять или вообще туда пешком отправиться.

– Нет-нет! Давай-ка сыграем по его правилам и оставим всё как есть! Есть у меня задумка, но пока ничего не скажу, к выходным будь готов, вместе на солонец поедем.

Как и договаривались, в пятницу вечером были уже на месте. Здесь-то и поведал Алексей свой план, который на удивление был очень прост.

– Итак, – говорит он. – Если гуран чётко понимает, что вскоре после того, как по дороге проехал мотоцикл, к солонцу придёт охотник, то он сразу настораживается и начинает готовиться к состязанию. Но ты его, так сказать, разочаруешь и уйдёшь с солонца раньше времени.

– Как это, уйду? – удивился я.

– На самом деле не ты уйдёшь, а я!

– К чему ты клонишь, говори прямо! – я начинал уже злиться от его недомолвок.

– Объясняю! Если исходить из предположения, что Профессор слышит тебя ещё на подходе к солонцу, то мы придём туда вдвоём, тихо, шаг в шаг, так, словно бы один человек идет. Минут через сорок, я, не слишком-то соблюдая тишину, уйду на зимовье, а Профессор пусть думает, что это ты, его соперник, сдался и ушёл, не солоно хлебавши! И тут всё в твоих руках! Если ветер не подведёт, если гуран не поймёт, что

нас двое пришло, а ушёл один, если ты после моего исчезновения будешь сидеть как никогда тихо, то он обязательно выйдет на соль!

Всё сделали, как придумал мой друг. Профессор появился почти сразу после ухода Алексея, ещё солнце не зашло. Помню: подошёл к солонцу, но даже головы к нему не опустил, замер, на меня смотрит, отметина на боку светится, как личный знак какой. Я сначала растерялся, ведь получается, что вышел он, хорошо зная, что я здесь! Но потом возликовал, ружьё к плечу подтянул, а в душе уже победу великую праздную! Да сердце вдруг забилося в истерике и руки затряслись! Опускаю ружьё, даю себе отдышаться. Вновь прицеливаюсь, но без толку – тело от волнения словно бы не моё. Я опять ружьё вниз, собираю волю в кулак, а в голове мысль страшная каруселью завертелась: «Уйдёт сейчас, навсегда сбежит, не увидишь его больше!». И вот всё готово: мушка привычно легла под лопатку и замерла, волнение исчезло, дыхание ровное! Но жду чего-то, жду, сам не пойму чего, палец на курке застыл, и время остановилось... В общем, не выстрелил я тогда, не смог, да и как можно было стрелять...

Дед Матвей умолк. Мы замерли, понимая, что словами не передать всего, что сейчас творится в душе охотника. Даже весело трещавший сухими ветками костёр тоже притих. Через некоторое время я осмелился и нарушил тишину:

– А почему не выстрелил, Матвей Александрович?

– Эх, неужели и ты меня не понимаешь?!? – удивился старик, продолжая странствовать по былым временам. – Потому и не выстрелил, что целых три года к таинствам природы мне дозволено было прикасаться, словно я в душу этого гурана заглянул, а он в мою! Не выстрелил, потому, что как родной он мне стал, ведь на одной земле с ним родились, одним воздухом с ним дышали! Но об этом я после стал догадываться, когда вновь и вновь все эти события в голове прокручивал. Хотя, что говорить, пока сам не проживешь подобное, не поймешь меня!

Я так и не нашёлся что ответить, просто замолчал и стал слушать тайгу, но внутри себя вдруг уловил нечто, тихо отзывающееся на рассказ деда Матвея, точно и я до великой тайны дотронулся и к чему-то невиданному прикоснулся.

Вдруг сентябрьский ветерок с легкой тревогой тронул вершин сосен и тут же исчез где-то в вершине хребта, забравшись в самое сердце Медвежьего ключа. Старик поднял голову, взглянул в чистейшее иссиня-бирюзовое небо и проговорил:

– Вот и осень пришла. Тогда в тайге также необычно, по-особенному всё было. Вечер тот навсегда запомнил. Тихо так, ветра, кажется, вообще не было, дышится легко, словно бы воздух из самого рая, и солнце чистое, нежное, далекое! Вот так бы и просидел на лабазе до самой смерти под его золотисто-багровыми лучами в ожидании чуда. Я вначале-то по-боевому был настроен, ну, знаешь ведь это, когда перед охотой азартом и сосредоточением наполняешься, но потом вдруг настрой этот чем-то другим сменился. Не знаю, как назвать это состояние, умилением, что ли, или умиротворением каким, а может, и то и другое вместе.

В общем, когда Алексей ушёл на зимовьё, я словно в другое измерение попал. Долго мы тогда с Профессором друг на друга смотрели. Нет, не боялся он меня. Знал, что стрелять не буду. Потом притопнул слегка и неспешно в лесу скрылся, будто бы

растворился в нём, напоследок даже голову склонил, вроде как поклонился. Не знаю, кто из нас победил в этом состязании. Впрочем, не было никаких состязаний и победы не было. А вот чудо было, охота, которая уже никогда не повторится и которая словно подарок божий, вот она была и навсегда в душе осталась, так, что другие охоты теперь не нужны.

*Москва-Чита,
2014 г.*

Подписные индексы по каталогу агентства «Роспечать»:
на полугодие — 73434, на год — 80657

Подписной индекс по каталогу «Почта России»:
на полугодие — 84405

Адресная подписка в редакции круглый год.
Доставка ценными бандеролями наложенным платежом.

Внимание!
Изменился телефон редакции:
(495) 592-02-80

E-mail: lavka@ohot-prostory.ru

Почтовый адрес:
143900, Московская область, г. Балашиха-центр,
а/я «Книжная лавка охотника и рыбакова»

Литературно-художественное издание
альманах

«ОХОТНИЧЬИ ПРОСТОРЫ»
Книга первая (83), 2016 год.

Альманах зарегистрирован
в Министерстве печати и информации Российской Федерации.
Свидетельство № 0110309.

Подписано в печать — 14.01.2016.
Формат 70x108 1/16

Печать офсетная. Заказ № 314. Тираж 5.000 экз.

Издательство «ПТП ЭРА». Московская обл., г. Реутов, ул. Гагарина, д. 11.
Телефон: (495) 592-02-80.

E-mail: info@ohot-prostory.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография».

Филиал «Чеховский Печатный Двор».

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.

Тел.: 7 (495) 502-52-23

E-mail: info@chpd.ru. Сайт: www.chpd.ru

Цена договорная.

Редакция рукописи не рецензирует и по почте не возвращает.
За доставку альманаха подписчикам несут ответственность предприятия связи.